

Религиоведение. 2021. № 4. С. 17–25.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 4. P. 17–25.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.4.5-17-25

Мельников И.А.

*Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
173003, Россия, г. Великий Новгород, тер. Кремль, 11
potep_88@mail.ru*

Дворянство и «древнее благочестие» в первой половине XIX в.: случай надворной советницы и старообрядческой инокини Елизаветы Лангель

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме взаимодействия русского дворянства и старообрядчества в перв. пол. XIX в. Случаи перехода в «старую веру» представителей «высшего сословия» рассматриваются как закономерное явление, объясняемое смягчением государственного контроля над дворянами, изменением правительственной политики относительно «раскольников», а также общими мистическими настроениями среди российской знати данного периода. В качестве примера рассматривается случай надворной советницы Елизаветы Петровны Лангель, принявшей постриг в федосеевском согласии с именем Екатерина, её духовного отца инока Ефрема, а также помещиков Голицыных. Вводятся в научный оборот уникальные делопроизводственные документы и письма Е. Лангель, непосредственно передающие характер её религиозности, отношение к старообрядчеству и вероисповедной политике николаевского периода. Они показывают, что на принятие «старой веры» частично повлияла семейная история и религиозный настрой советницы. Кроме того, высказывается предположение, что обращение дворянки Лангель позволяло старообрядцам успешнее взаимодействовать с помещиками. Это косвенно подтверждается покровительством духовному отцу советницы, иноку Ефрему, со стороны помещиков Голицыных.

Ключевые слова: российское дворянство, старообрядчество, иночество, мистические учения, федосеевское согласие

Ilya A. Melnikov

*State Museum Complex in Veliky Novgorod
11 Kremlin, Veliky Novgorod, 173003, Russia
potep_88@mail.ru*

Nobility and “Ancient Piety” in the First Half of the 19th Century: The Case of a Noblewoman and an Old Believer Nun Elizabeth Langel

Abstract. The article deals with the little-studied problem of the interaction between the Russian nobility and the Old Believers in the first half of the 19th century. Cases of conversion to the “old faith” of representatives of the upper class are considered as a natural phenomenon, explained by the softening of state control over the nobility, a change in state policy regarding the “schismatics”, as well as general mystical sentiment among the Russian nobility of this period. As an example, we consider the case of a noblewoman Elizaveta Petrovna Langel, who was tonsured in Fedoseev's congregation with the name of Catherine, her spiritual father, a monk Ephrem, and the landowners Golitsyns. The unique archive documents and letters of E. Langel are introduced into scientific circulation, directly reflecting the nature of her religiosity, attitudes towards the Old Believers and the religious policy during the reign of Nicholas I. They show that the conversion to Old Belief was partly influenced by family history and the mystical religious mood of Langel. In addition, it is suggested that the presence of the noblewoman Langel in their ranks allowed the Old Believers to better interact with the landlords. This is indirectly confirmed by the patronage to the noblewoman's spiritual father, monk Ephrem, from the landowners Golitsyns.

Key words: Russian nobility, Old Belief, monasticism, mystical movements, Pheodosian congregation

Конфессиональная жизнь русского дворянства, начиная с петровских преобразований, была поставлена под особый контроль государства. Как отмечает А.С. Лавров, это сословие должно было выполнять функцию опоры государственной власти, в связи с чем становилось главным объектом воздействия в ходе конфессионализации и насаждения официальной религии периода становления Империи [Лавров, 2000, 309]. Несмотря на это, известны случаи участия дворян в старообрядческом движении в нач. XVIII в. Со временем оставаться старовером в высшем сословии становилось всё труднее, известно лишь негласное покровительство некоторых представителей знати ревнителям «древлего благочестия».

Тем не менее, нач. XIX в. даёт нам имена нескольких дворян, которые не просто сочувствовали старообрядчеству, но проявили себя его активными деятелями. В самом начале столетия федосеевство приняла жена статского советника, бывшего секретаря графа Кутаисова, помещица Анна Александровна Карташева. В дальнейшем она и её дети принимали активное участие в обустройстве старообрядческого скита в имении Огорелье Новгородского уезда, а также Пертозерского скита в Архангельской губернии [Мельников, 2020, 1062; Хрушкая, 2010, 105–108]. В перв. пол. XIX в. видным деятелем Петербургской федосеевской общины был титулярный советник Георгий Фукс, перешедший в старую веру из лютеранства и заведовавший Волковской богадельней (впрочем, сложно наверняка сказать, обладал ли он дворянским титулом) [Каменева, 2013, 158, 161]. Среди «попечителей» старообрядческой общины Новгорода в 1816 г. в документах называлась дворянка Марфа Мартыновна Цыганкова [РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 133]. К перв. пол. XIX в. относятся также упоминания о помещиках-старообрядцах в Курской губернии [Апанасенок, 2009, 147]. В случаях Карташевой и Фукса принадлежность к старой вере никак не была связана с семейной историей.

Подобное оживление интереса к старообрядчеству со стороны дворян этого периода можно объяснить целым рядом факторов. Права и привилегии, дарованные этому сословию в годы правления Петра III, Екатерины II и Александра I, существенно ослабляли государственный контроль в том числе за конфессиональной жизнью дворянства. Кроме того, кон. XVIII – нач. XIX в. ознаменовался смягчением отношения власти к различного рода «раскольникам». Не последнюю роль в этом сыграло ослабление авторитета государственной церкви. Оно выразилось в увлечении русской знати описываемого периода католицизмом и мистическими учениями пиетизма и масонства, достигшем своего апогея в годы правления Александра I [Пыпин, 1916, 129–140; Панченко, 2002, 177–186]. Подобным настроениям способствовал сам обер-прокурор Святейшего Синода князь Александр Николаевич Голицын, чьё мировоззрение отличалось эсхатологичностью и мистицизмом [Назаренко, 2017, 138]. Обер-прокурор вошёл в историю благодаря не только созданию экуменического Российского библейского общества, но и покровительству руководителю скопчества Кондратию Селиванову [Пругавин, 1882, 341] и «хлыстовскому» кружку Е.Ф. Татариновой [Дубровин, 1895, 7]. Старообрядчество значительно отличалось как от отечественных, так и зарубежных мистических учений, однако обострённая эсхатологичность и аскетизм некоторых согласий могли вызывать симпатии религиозно настроенных представителей дворянства. В связи с этим уместно привести неожиданное сопоставление одного из пиетистских направлений протестантизма со староверием в воспоминаниях Ф.Ф. Вигеля о князе К.А. Ливене: «Он принадлежал к секте гернгутеров или моравских братьев, германских староверов» [цит. по: Пыпин, 1916, 138]. Подобная аналогия, как видно, не казалась современникам слишком натянутой.

В данном контексте интересен случай надворной советницы Елизаветы Лангель (инокини Екатерины) – духовной дочери старообрядческого инока Ефрема (Михайлова). Информация о ней стала известна благодаря материалам, вновь найденным в Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве древних актов. Они подробно фиксируют семейные, бытовые и социальные аспекты обращения представительницы дворянского сословия в «старую веру» в нач. XIX в., которые мы попытаемся проанализировать в настоящей статье. Особенной ценностью обладают письма Е. Лангель, обнаруженные при ра-

боте с документами РГАДА. Они передают непосредственную реакцию не только на конкретные перипетии судебного разбирательства «по расколу», но также отражают характер её личной религиозности.

В 1842 г. священник Екатерининского собора г. Крестцы Новгородской губернии донёс в полицию, что на подведомственной ему территории распространяет «раскол» надворная советница Елизавета Петрова Лангель, проживающая в старообрядческой моленной ямщика Рыбичева. Так как её вина в «совращениях в раскол» не была доказана, власти решили ограничиться традиционным увещанием священника, на котором «раскольница» вела себя вызывающе, обзвав священника Нередицкого «угреватым, красноносым индюком и пьяной рожей» и сказав, «что он не увещатель, и что он не пастырь, а наёмник» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 56–56 об.]. Это спровоцировало новый виток судебных разбирательств, в ходе которых стала известна необычная судьба надворной советницы.

Елизавета Лангель родилась в 1791 г. в Санкт-Петербурге. Её мать, коллежская советница Екатерина Дешель, принадлежала к лютеранскому вероисповеданию, но в сознательном возрасте крестилась в старую веру и приняла федосеевское согласие. Свою дочь она первоначально окрестила в государственной церкви, но, когда Елизавете исполнилось 7 лет, крестила её в старообрядчество. В 1807 г. Елизавету выдали замуж за надворного советника Федора Лангеля, причём обряд бракосочетания совершили в придворной церкви Спаса Конюшенного ведомства на Мойке. Наружно принять новообрядчество Елизавета Лангель согласилась лишь после внушения князя А.Н. Голицына, однако «даже во время самого обряда присоединения к Церкви несмотря на все увещания не согласилась отступить от раскольнического обыкновения в сложении перстов» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 86 об.]. Через 7 лет совместной жизни они с мужем расстались (без официального развода), при этом ей было дано содержание и разрешение жить, где пожелает. К началу разбирательства Федор Лангель служил помощником директора главного почтамта в Гельсингфорсе. После расторжения отношений Елизавета Лангель очутилась в Норской Покровской федосеевской пустыни в Стародубье, где в 1826 г. приняла иноческий постриг с именем Екатерины. Оттуда в начале 1840-х гг. инокиня переехала в г. Крестцы Новгородской губернии.

В уездном городке Лангель привлекла внимание духовенства благодаря своему иноческому одеянию. После нескольких неудачных увещаний священник Нередицкий обвинил 51-летнюю дворянку в том, что она якобы грозилась застрелить его из пистолета. Это обвинение сильно оскорбило советницу, страдавшую физическим недугом (каким именно, в деле не уточняется). В письме крестецкому полицейскому исправнику она угрожала довести своё возмущение «до сведения царя», восклицая, что «честь дороже жизни» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 52 об.]. Обвинение в угрозе застрелить батюшку подтолкнуло Лангель к составлению присяги в том, что возводимые на неё обвинения несправедливы. Этот текст она предлагала произнести публично в соборе священнику Нередицкому вместе с ней в подтверждение правдивости своих показаний. Слова присяги красноречиво передают эмоциональное состояние Лангель. В случае лжесвидетельства на голову лжеца должны были обрушиться в числе прочих и подобные жуткие кары: «[Пусть] Ни одна могила не покроет изтлеющей мой труп и пусть будет он добычею вран! И всякий пройди мимо его проклянет час моего рождения, и пусть прокленёт прах моих родителей!» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 54].

В письме инокини Екатерины крестецкому полицейскому исправнику И.С. Титову представлена и непосредственная эмоциональная реакция на первое увещание. В частности, Лангель утверждала, что при её беседе со священником «особенного гнева не было, кроме за имя Христово, что он бы<в>ши под куражем сказал имя Исус значит равноухий или шельма, и меня щел самозванкою бродягою. Я же в обиде назвала его слугою антихриста, наёмником. Конечно я виновата! Не след было защищать царя небесного! Ибо он не дал никому доверия вступаться за него даже и царю земному, мечтающему быть его приемником, а не токмо звонящему в набат и биошему в трещетку. Сим гнушается метатель грома, ему же все

стихии повинуются. И кто защищает его, тот его и обижает, неужели он не силен за себя востать? Согрешила я грешная за то то и страдаю таковою ложию которая ни щем не сообразная» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 51 об. – 52]. Особое возмущение у инокини Екатерины вызвал аргумент крестецкого священника об имени «Исус», который батюшка в целях увещания позаимствовал из «Розыска о раскольнической брынской вере» Ростовского митрополита Димитрия (Туптало): «По гречески Исос, по нашему глаголется равный; Оус же, глаголется ухо: та два речения егда в едино место сложити, будет Исоус, еже глаголется равноухий» [Димитрий Ростовский, 1855, 47]. Выпад советницы в отношении «царя земного» вряд ли случаен и не остался незамеченным со стороны начальства. Отношение гражданской власти к вероисповедным вопросам интересовало Лангель, что мы продемонстрируем в дальнейшем.

В связи с конфликтом инокини Екатерины и священника Нередидского, неугодного ей батюшку заменили на более политичного Иоанна Смирнова. Однако и эта мера не возымела действия: на очередном увещании советница решительно отвергла все попытки обратить её в новообрядчество: «за исповедуемую ею веру она готова вытерпеть все не только лишиться прав присвоенных Дворянскому сословию, принять пощёчины быть посаженной в остроге и т. под. но даже живой быть зарытою в могилу» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 84 об. – 85].

Во время этого увещания Лангель довольно содержательно парировала оппоненту. Когда Смирнов сказал, что особенно заботится об её «обращении» потому, что она «отторглась» от официального православия в сознательном возрасте, «между тем, как другие никогда не принадлежали к Церкви и с малолетства воспитывались в расколе», инокиня Екатерина ответила, «что в младенческих летах тоже первоначально была она не Православного а Лютеранского Исповедания и хоть впоследствии была миропомазана но в таких летах когда ещё не понимала важности этого» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 86–86 об.]. Таким образом, Лангель подчёркивала сознательность выбора веры и готова была отстаивать его перед Санкт-Петербургским митрополитом. Более того, инокиня Екатерина желала разыскать в столице «древнюю Библию, в которой как ей сказывали имя Спасителя в иных местах на печатано ИС а в других ИИС» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 87]. Речь идёт, вероятно, об «Остромировом Евангелии», которое тогда хранилось в Императорской публичной библиотеке.

Результатом увещания священника Смирнова стало адресованное ему письмо, в котором Лангель обращалась к батюшке «Ваше Благословение Иоанн Спиридонович». Документ демонстрирует отношение к своей вере обратившегося в старообрядчество образованного лица дворянского сословия. Письмо выдержано в уважительном тоне, в первой его части инокиня Екатерина жалуется на состояние здоровья, отрицает, что возвращает кого-то в «раскол» и говорит, что «уже прошло время учения, <...> я же никому учительницею быть не могу или развратительницею быть не могу но живу сама о себе своему спасению внемлю и содержу то к чему приобылка» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 91]. Во второй части письма советница ссылается на «Поморские ответы», которые были поданы Синоду по повелению Петра I, отмечая, что во всём следует этому сочинению. Любопытно, что достаточно дипломатичный пассаж о неосуждении государственной церкви заканчивается рассуждениями о свободе вероисповедания: «господствующую великороссийскую Церковь не оглаголюем ибо мы должны себя судить а не людей и потому дарована Свобода всем находящимся или живущим в России всех вер свободное исповедание, кое подтверждено Императорскими и сенатскими указами. В коих сказано, что старообрядцы не подлежат суду ни ведению духовного начальства, но живут /или обитают/ под ведением гражданского начальства и подлежат оному суду в повиновении по гражданской части а не по вере» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 91–91 об.].

Мысль о строгом разделении «мирских» и «духовных» вопросов в управлении государством, а также неподсудности подданных «по вере», в рассуждениях Лангель имела свое «теологическое» обоснование. В письме священнику она снова настойчиво повторяет тот же аргумент о защите имени божьего: «Надо положить на власть Царя небесного да устроит как душе моей на пользу ибо он управляет

судьбою человеческою и влас главы наша не гинет без Его Святой воли! И естли вы щитаєте что его я тем обижаю, то скажите мне кто может его защищать? Ниже сам Царь мечтающей быть его приемником. <...> поверте тот его обижает кто его защищает. Неужели не силен бог со мною зделать то еже хочет?» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 91 об.]. Другими словами, с точки зрения Лангель, лишь бог может наказывать тех, кто оскорбляет его, исповедуя «неправильную» веру. Этим решается проблема вмешательства властей в вероисповедные вопросы – преследуя «раскольников», царь присваивает себе божественные функции, чего он не имеет права делать. В завершительной части письма инокиня Екатерина подтверждает свою решимость пойти на поселение «или заключённой быть в острог до конца моей жизни», а также просит священника не утруждать её более своим посещением, предъявив начальству данное письмо как знак её непреклонности к любым увещаниям в будущем [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 91 об.].

Вероятно, в связи с ухудшением состояния здоровья, не дожидаясь окончания судебных разбирательств, в 1846 г. Лангель покинула Крестцы и уехала в Петербург. Однако судебное разбирательство, начавшееся в 1842 г., продолжалось и в дальнейшем. Крестецкий уездный суд в 1846 г. постановил сослать инокиню Екатерину на Кавказ, вменив ей в вину незаконное пострижение без развода с мужем и оскорбление священника [РГИА. 1284. Оп. 204. Д. 490. Л. 6.]. Несмотря на возражения новгородского губернского прокурора, это же решение спустя три года повторила Новгородская палата уголовного суда, дополнительно указав на «свирепое изуверство» и «фанатическое посягательство на жизнь», «выраженных ею так, что лучше согласится быть живою в землю зарытою <...>, чем обратиться в православие» [РГИА. 1284. Оп. 204. Д. 490. Л. 11]. Министр внутренних дел Л.А. Перовский предложил смягчить наказание, заключив Лангель в один из монастырей государственной церкви. На отношении министра Ведомство православного исповедания подобало в качестве места заключения Горицкий женский монастырь Новгородской епархии [РГИА. 1284. Оп. 204. Д. 490. Л. 40]. Дело оставалось за малым – необходимо было разыскать строптивую немку. Лишь в октябре 1849 г. Санкт-Петербургская управа благочиния отрапортовала, что коллежская секретарша Елизавета Петрова Лангель скончалась ещё в июне 1846 г., вероятно, почти сразу после приезда из Крестец, в связи с мучившей её в то время болезнью. Несколько месяцев потребовалось на установление личности умершей, так как в более ранних документах она именовалась надворной советницей. Окончательно дело было завершено в январе 1850 г. и за смертью обвиняемой оставлено «без последствий» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 204. Д. 490. Л. 43–50].

Приезд Елизаветы Лангель в Крестцы не был случаен. Во время беседы со священником Смирновым она обронила фразу, что любые увещания тщетны, так как единственным духовным авторитетом для неё обладает мнение «человека, от которого могу я здесь принять благословение моего духовного отца Инока, проживающего в Крестецком уезде в деревне Жабницах» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759. Л. 50]. Несмотря на то, что советница не назвала его по имени, не вызывает сомнения, что речь идёт о крестьянине Ефиме Михайлове, известном в старообрядческих кругах как инок Ефрем. Его деятельность демонстрирует личное сочувствие старообрядцам некоторых дворян описываемого периода, не переходивших открыто «в раскол».

Ефим Михайлов родился в 1787 г. в д. Жабенцы Крестецкого уезда и был крепостным князей Голицыных. В 1821 г., взяв плакатный паспорт на год, он отправился в Петербург и, сойдясь с тамошними староверами, уехал в Норскую федосеевскую обитель Черниговского уезда, которую содержал петербургский мещанин Павел Варакин, ранее бывший распорядителем Косцовой моленной в столице. Застигнутый там опасной болезнью, Ефим принял иноческий постриг с именем Ефрем. Поправившись, он провёл в обители десять лет, пока его не нашёл отец, которому стало в тягость «по старости его лет оплачивать госпожи оброки». Под влиянием просьб родителя Ефрем вернулся в родные места. Следуя наставлению духовного отца, старца московской Преображенской федосеевской обители Филарета, он выстроил небольшую келью в саду своего родственника, где изредка исправлял требы односельчан [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1749. Л. 19–20]. Всё это происходило с

ведома и одобрения местного бурмистра, который, как выяснилось позже, сам был тайным «раскольником».

Ефим Михайлов мог познакомиться с надворной советницей Лангель либо в Петербурге, либо уже в Стародубье. Последующее появление советницы в Крестцах вслед за возвращением её духовного отца на родину явно взаимосвязаны. Инок Ефрем несколько раз подвергался суду по обвинению в «сращениях в раскол» в 1832, 1852 и 1857 гг. Благодаря первому следствию мы и знаем биографию старца. Второе следствие было инспирировано местным становым приставом, которому удалось поймать Ефрема практически с поличным во время совершения богослужения с бывшим бурмистром Петром Клементьевым и его племянником [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1764. Л. 9]. Всякий раз иннок отделялся лишь предупреждениями и запретом носить иноческое облачение, причём даже этими ограничениями он демонстративно пренебрегал. Вероятно, с делом 1852 г. некоторое время спустя знакомился неизвестный чиновник (возможно, чиновник по особым поручениям МВД Ю.К. Арсеньев, производивший «счисление» староверов в Новгородской губернии в 1853 г.). Та часть судебного решения, в которой иноку мягко предписывается не подавать повода к обвинению в распространении «раскола», вызвала у неизвестного читателя бурю негодования и приписку: «да ему запрещено носить монашеское платье, а он носил, уже это преступление!» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1764. Л. 21].

К старцу Ефрему был снисходителен не только уездный суд, но и помещики. Беглый крепостной не подвергся никакому взысканию со стороны своих владельцев за почти 10-летнюю самовольную отлучку, никакого наказания не последовало и за его привлечения к суду за «раскол». Более того, помещица Аглаида Павловна Голицына в 1849 г. дала отцу Ефрему вольную. Старец приписался в государственные крестьяне д. Лякова, где с дозволения Павла Васильевича Голицына имел «собственный домик и при оном садик», а также присматривал за пчёлами самого князя [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1764. Л. 5].

Есть искушение списать снисходительное отношение Голицыных к одному из «коноводов раскола» на их человеколюбие, которым отличались далеко не все помещики, учитывая, что Ефрем был сторонником достаточно радикального федосеевского учения, возбранявшего брак его приверженцам. Негативные последствия подобного учения некоторых беспоповцев для помещичьего хозяйства в тот же период мотивировали других представителей рода Голицыных на достаточно жёсткие меры по борьбе с «расколом» в нижегородских вотчинах [Бушнелл, 2020, 314–351]. Для крестецких Голицыных покровительство старообрядцам стоило также и некоторых репутационных потерь. В 1833 г., после первого расследования деятельности инока Ефрема, княгине Аглаиде Голицыной циркуляром МВД было сделано внушение до «нетерпимое ни в каком благоустроенном обществе допущение до бродяжничества крестьянина ея Михайлова, переименовавшего себя монахом Ефремом» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 196. 1833 г. Д. 84. Л. 5]. В 1853 г. упоминавшийся Ю.К. Арсеньев также обращал внимание начальства на то, что иннок Ефрем «в имениях княгини Голицыной пользуется большим уважением даже и от помещиков» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 88 об.]. Столь мягкое отношение к «расколу» со стороны Голицыных можно объяснить либо их симпатиями к старообрядчеству вообще, либо (что более вероятно) лично к иноку Ефрему. Вполне возможно, что дворянка Лангель, будучи его духовной дочерью, могла как-то этому поспособствовать.

Заключение

Случай надворной советницы Елизаветы Лангель демонстрирует, как смягчение контроля за дворянством в кон. XVIII – нач. XIX в. способствовало сближению религиозной жизни низших и высших сословий. Инокня Екатерина имела возможность почти два десятилетия жить в положении старообрядческой монахини, судя по всему, не скрывая своего дворянского происхождения. При этом симптоматично, что Лангель подверглась преследованию в связи с общим изменением политики николаевского периода, пытавшейся распространить государственный контроль на как можно большее количество сфер жизни общества и особенно нетерпимо относившейся к «расколу» [Marsden, 2015]. Также обращает на себя внимание, что изначально Елизавета и её мать принадлежали к лютеранству. В описываемый

период в Германии, Швеции и Дании оно испытывало сильное влияние пиетизма, наложившего свой отпечаток и на религиозность православной знати [Куропаткина, 2020]. Идеи личного благочестия, поиск индивидуального непосредственного общения с богом и сознательного «обращения» к вере являлись определяющими в духовной жизни Лангель, о чём можно судить по её эмоциональным письмам и репликам во время увещаний.

Показательны коллизии личной жизни советницы. По справедливому замечанию И. Пярт, проповедь безбрачия в федосеевских сочинениях находила выражение в риторике социальной свободы от мирских привязанностей [Paert, 2003, 120–121]. Нетрудно заметить, что переход надворной советницы Е. Лангель в федосеевское согласие со временем привёл к прекращению отношений с мужем и полной независимости от брачных уз, хотя они формально так и не были расторгнуты. Для представительницы её сословия это давало большую мобильность и свободу. Не менее примечательна и реакция власти на данный факт – «незаконное пострижение» в инокини без расторжения брака, как и вольность в обращении с семейным статусом в целом, вменялись в вину Лангель не менее, чем «сворачивание в раскол».

При этом сложно утверждать, насколько переход в старую веру способствовал параллельному разрыву инокини Екатерины с дворянским окружением. Тем не менее, в письмах советницы, как и в манере её общения со священником Нередицким, присутствуют свидетельства сохранения сословной гордости. Вероятно, став «раскольничьей» инокиней, Лангель не перестала ощущать себя представительницей привилегированного сословия, для которой «честь дороже жизни», имела слуг и не терпела обращения с собою «на кураже». Также можно предположить, что образованность инокини Екатерины и её возможные знакомства могли использоваться староверами для распространения и укрепления старообрядчества. Об этом косвенно свидетельствует покровительство духовному отцу Лангель, иноку Ефрему, со стороны помещиков Голицыных.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-312-60001) в рамках конкурса научных проектов «Перспектива».

Acknowledgement

This article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (science project no. 19-312-60001) as a part of scientific projects contest “Perspective”.

Список сокращений

МВД – Министерство внутренних дел
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив

Библиографический список

1. Апанасенок, А.В. Старообрядческий мир в социально-культурной и религиозной истории Центрального Черноземья в XIX – начале XX века / А.В. Апанасенок // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2009. – № 9. – С. 140–147.
2. Бушнелл, Д. Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок. Спасовки в XVIII – XIX веках / Д. Бушнелл. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 416 с.
3. Димитрий Ростовский, свт. Розыск о раскольнической брынской вере / Д. Ростовский. – М.: Синодальная тип., 1855. – 643 с.
4. Дубровин, Н.Ф. Наши мистики-сектанты. Е.Ф. Татаринова и А.П. Дубовицкий / Н.Ф. Дубровин // Русская старина. – 1895. – № 11. – С. 3–43.
5. Каменева, Е.А. Петербургские старообрядцы в XVIII – первой половине XIX века / Е.А. Каменева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – 288 с.
6. Куропаткина, О.В. Пиетистские и околопиетистские движения в Норвегии, Дании, Швеции и России XIX в.: социально-экономический и социально-политический аспекты /

- О.В. Куропаткина // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. – 2020. – № 1. – С. 60–71.
7. Лавров, А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 / А.С. Лавров. – М.: Древлехранилище, 2000. – 575 с.
8. Мельников, И.А. Старообрядческие скиты и богадельни Новгородской губернии во второй половине XVIII–XIX в. / И.А. Мельников // *Вестник архивиста*. – 2020. – № 4. – С. 1058–1069.
9. Назаренко, Е.Ю. Мистический консерватизм: к характеристике мировоззрения князя А.Н. Голицына / Е.Ю. Назаренко // *Христианское чтение*. – 2017. – № 6. – С. 134–148.
10. Панченко, А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А. А. Панченко. – М.: ОГИ, 2002. – 544 с.
11. Пругавин, А.С. Раскол внизу и раскол вверх. Очерки современного сектантства / А.С. Пругавин. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1882. – 431 с.
12. Пыпин, А.Н. Религиозные движения при Александре I / А.Н. Пыпин. – Пг.: Огни, 1916. – 486 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1759.
14. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1749.
15. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1764.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 204. Д. 490.
17. РГИА. Ф. 1284. Оп. 196. 1833 г. Д. 84.
18. РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480 в.
19. РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800.
20. Хрушкая, Л.Н. К истории Пертозерского старообрядческого скита в Кемском уезде Архангельской губернии / Л.Н. Хрушкая // *Старообрядчество: история, культура, современность*. – Великий Новгород: Музей истории и культуры старообрядчества, 2010. – С. 105–108.
21. Marsden, T. The crisis of Religious toleration in imperial Russia: Bibikov's system for the Old Believers, 1841–1855 / T. Marsden. – Oxford: Oxford Univ. press, 2015. – 280 p.
22. Paert, I. Old Believers, Religious Dissent and Gender in Russia, 1760–1850 / I. Paert. – Manchester: Manchester University Press, 2003. – 263 p.

Текст поступил в редакцию 24.05.2021.

Принят к публикации 24.09.2021.

Опубликован 23.12.2021.

References

1. Apanasenok A.V. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of Belgorod State University]. 2009, no. 9, pp. 140–147 (in Russian).
2. Bushnell D. *Epidemiya bezbrachiya sredi russkikh krest'yanok. Spasovki v XVIII–XIX vekakh* [Russian Peasant Women Who Refused to Marry. Spasovite Old Believers in the 18th – 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 416 p. (in Russian).
3. Dimitrij Rostovskij archbishop. *Rozysk o raskol' nicheskoj brynskoj vere* [The Reserch about schismatic brynskaja belief]. Moscow: Sinodal' naya tip., 1855, 643 p. (in Russian).
4. Dubrovin N.F. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. 1895, no. 11, pp. 3–43 (in Russian).
5. Kameneva E.A. *Peterburgskie staroobryadczy v XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Old Believers of St. Petersburg in the 18th – first half of the 19th century]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2013, 288 p. (in Russian).
6. Kuropatkina O.V. *Studia Religiosa Rossica*. 2020, no. 1, pp. 60–71 (in Russian).
7. Lavrov A.S. *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740* [Witchcraft and religion in Russia. 1700–1740]. Moscow: Drevlekhранилище Publ., 2000, 575 p. (in Russian).
8. Mel'nikov I.A. *Vestnik arkhivista* [Herald of an archivist]. 2020, no. 4, pp. 1058–1069 (in Russian)
9. Nazarenko E.Yu. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading]. 2017, no. 6, pp. 134–148 (in Russian).
10. Panchenko A. A. *Hristovshchina i skopchestvo: fol'klor i tradicionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Christovshchina and scopchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: OGI, 2002, 544 p. (in Russian).
11. Prugavin A.S. *Raskol vnizu i raskol vverkhu. Oчерki sovremennogo sektantstva* [Dissent above and dissent below. Essays of modern sectarianism]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1882, 431 p. (in Russian).
12. Py'pin A.N. *Religioznye dvizheniya pri Aleksandre I* [Religion movements in times of Alexander I]. Petrograd: Ogni Publ., 1916, 486 p. (in Russian).
13. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of an Ancient Acts]. Fund 1431. Inventory 1. File 1759 (in Russian).
14. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov*. Fund 1431. Inventory 1. File 1749 (in Russian).
15. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov*. Fund 1431. Inventory 1. File 1764 (in Russian).

16. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). Fund 1284. Inventory 204. File 490 (in Russian).
17. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arkhiv*. Fund 1284. Inventory 196. 1833. File 84 (in Russian).
18. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arkhiv*. Fund 1284. Inventory 208. File 480v (in Russian).
19. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arkhiv*. Fund 815. Inventory 16. File 800 (in Russian).
19. Khrushkaya L.N. *Staroobryadčestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Old Belief: history, culture, modernity]. Velikiy Novgorod: Muzej istorii i kul'tury staroobryadčestva, 2010, pp. 105–108 (in Russian).
20. Marsden T. *The crisis of Religious toleration in imperial Russia: Bibikov's system for the Old Believers, 1841–1855*. Oxford: Oxford Univ. press, 2015, 280 p.
21. Paert I. *Old Believers, Religious Dissent and Gender in Russia, 1760–1850*. Manchester: Manchester University Press, 2003, 263 p.

Submitted for publication: May 24, 2021.
Accepted for publication: September 24, 2021.
Published: December 23, 2021.